

ПРИНЦЕССА ТРУБОЧКА и принц ПЛОМБИР

Рина Велл

Как мирились пирожные и мороженые

<https://litres.ru/74247254>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сказка о том, что дружба — слаще любого десерта.

В тёплом Тортлэнде живут пирожные. В холодном Морозвиле — мороженые. Между ними — Великий Туман, который не пропускает ни звука, ни света. Он стоит веками, и взрослые уже смирились: так было, так будет. Они придумывают страшилки и готовятся к войне.

Но двое детей думают иначе.

Принцесса Трубочка и принц Пломбир не верят в страшилки. Они хотят понять, что скрывает белая стена. И однажды им это удаётся.

Содержание

Глава 1	4
Две волшебные страны, которые враждовали друг с другом.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Рина Велл

Как мирились пирожные и мороженые

Глава 1

Две волшебные страны, которые враждовали друг с другом.

Давным-давно, в те времена, когда еще не было электрических чайников и посудомоечных машин, и микроволновок, между прочим, тоже, именно тогда произошла эта странная, загадочная и удивительная история.

В ту самую пору поссорились два великих народа — сдобный народ Пирожных и ледяной народ Мороженных.

Никто уже точно не помнит, из-за чего начался тот сырбор, и это сушая правда. Спроси любого пирожного в Тортлэнде — он только рукой махнет. Спроси любого мороженого в Морозвиле — он вздохнет и покроется инеем. Даже Королевский Архивариус Тортлэнда мистер Канноли, у которого семь печатей на мантии и четырнадцать очков на носу, раз-

водит руками и говорит: «Документов не сохранилось, понимаете. Их съели. В прямом смысле. В те времена всё съедали, что под руку попадет. Даже указы». И это чистая правда — указы пекли на тонком тесте с маком, и они были очень вкусные, особенно с чаем.

Так или иначе, ссора получилась знатная, а вражда сделалась настолько сильной, что на границе двух стран появился Великий Туман. Не простой утренний туман, который тает от первого луча солнца, а туман живой и злой — белая стена, которая встала между королевствами и не пропускала ничего. Ни звука, ни блика, ни живого существа. Крикнешь в этот туман — тишина проглотит твой голос, как ложку супа. Зажжешь фонарь — тьма съест свет, даже не поморщится. Шагнешь внутрь — и через десять шагов ты либо растечешься тестом, либо рассыплешься ледяной крупой, потому что туман этот был соткан не из воды, а из обиды, которая копилась годами.

Длилось всё это не одно поколение. Бабушки рассказывали внукам, как раньше можно было свободно переходить границу, внуки вырастали и рассказывали своим детям, а Туман все стоял и стоял, и никто уже не надеялся, что он когда-нибудь рассеется. Последствия той давней ссоры чувствуются до сих пор, и дети в Тортлэнде и Морозвиле растут с убеждением, которое впитали со сливками и со сгущенкой: «Мы не дружим с ними. И вообще они другие, и нам это не нравится». А почему не нравится — никто толком объяснить

не мог. Ну, потому что не нравится, и всё тут.

Две эти страны очень разные и совсем не похожи друг на друга.

Тортлэнд — страна тёплая и золотистая, как корка свежее испечённого хлеба. Солнце там светит каждый день, но не жарко, а ласково — как раз так, чтобы сладко спалось в полдень и хорошо гулялось вечером.

Облака в Тортлэнде не простые, а из взбитых сливок. Плывут они по небу медленно, важно, иногда задевая верхушки деревьев. И если такое облако заденет ветку — на ней остаётся белый сладкий след. Маленькие пирожные выбегают из домов с ложками и прыгают, пытаясь достать до облака. Но удаётся это только самым высоким или самым везучим.

Деревья в Тортлэнде — со свежебулками. Ствол у такого дерева хрустящий и тёплый, как багет из печи. Ветки — как круассаны, с масляными прослойками. А на кончиках веток растут булочки. Утром они с маком, в полдень — с корицей, к вечеру — с яблоком и карамелью. Подойди, сорви, ешь. Дерево не обижается — наоборот, радуется. На месте сорванной булочки к следующему часу вырастает новая.

По полям Тортлэнда летают мармеладные бабочки. Крылья у них из малинового, лимонного и фисташкового мармелада, и когда они садятся тебе на плечо, остаётся маленькое сладкое пятнышко.

Дома в Тортлэнде построены из песочного печенья. Кры-

ши — из засахаренных лепестков. Окна — из карамельной глазури. И если тебе захочется выглянуть на улицу, можно просто откусить кусочек окна — к утру оно зарастёт. Карамель быстро восстанавливается, особенно если её никто не трогает.

Реки в Тортлэнде текут сгущённой — густой, сладкой и липкой. По пряничным берегам растут мятные кусты, и берег от этого пахнет свежестью. А в тихих омутах, говорят, водятся вареничные сомики, но их никто никогда не видел, потому что сомики эти очень стеснительные.

Самое главное место в Тортлэнде — это Главная Площадь Пекарей. Посередине неё стоит Памятник Первому Коржу — огромный золотистый прямоугольник из карамели, который светится изнутри, будто в нём всё ещё пекут. Вокруг памятника — лавки со всякой всячиной: банки с вареньем на любой вкус, мешочки с сахарной пудрой, вязанные прихватки из сахарной ваты. А по краям площади — уличные печи, где пекут пирожки прямо при тебе. Запросто так. Для настроения.

А на окраине Тортлэнда, там, где дома становятся реже и тропинки сворачивают к границе, стоит самая высокая башня из заварного теста. Из окон этой башни виден Великий Туман — белая стена, которая отделяет Тортлэнд от Морозвиля. Но об этой башне мы поговорим чуть позже, когда придет время.

А теперь перенесёмся по другую сторону Великого Тума-

на, туда, где никогда не тает снег и воздух звенит, как колокольчик.

Эта страна называется Морозвиль.

Морозвиль — страна белая и прозрачная, как первый лёд на луже. Солнца там нет в том смысле, к которому мы привыкли. Вместо него в небе висит Сахарный Диск — огромный, белый, круглый. Он светит, но не греет, и свет от него холодный, голубоватый, такой, что все тени становятся чёткими и острыми, как лезвие.

Облаков в Морозвиле не бывает. Вместо них в небе медленно плывут ледяные кристаллы — большие, прозрачные, похожие на осколки зеркала. Они отражают Сахарный Диск, и тогда над страной вспыхивают тысячи маленьких зайчиков, которые прыгают по снегу, по домам, по верхушкам деревьев.

Деревья в Морозвиле растут из фруктового льда. Ствол у такого дерева прозрачный, холодный, а внутри переливаются малиновые, лимонные и черничные прожилки. Ветки хрупкие, как карамель, а на кончиках — плоская деревянная палочка с мороженым или замороженным соком. Сорвёшь — и наслаждаешься вкусом. Дереву не больно: на месте сорванной ветки через день вырастает новая.

Вместо кустарников в Морозвиле растут вафельные кусты. Низкие, коренастые, очень серьёзные. Цветов у них нет, зато каждое утро на ветках распускаются стаканчики — хрустящие, с шоколадным краем или ореховой посыпкой. Жи-

тели выходят с корзинками, собирают урожай и хрустят на весь лес. Самые красивые стаканчики уносят домой — хранить в них ледяные монетки и запасные ледышки. А самые простые съедают на месте.

По полям Морозвиля не летают, а медленно парят в воздухе ледяные светлячки. Как снежинки. Они совсем не похожи на обычных светлячков — те носятся как угорелые, а эти важные, задумчивые, переливаются голубым холодным светом. Если поймать такого и положить в карман, он будет тихонько звенеть до самого утра. Только нельзя в карман складывать — обидится и растает.

Дома в Морозвиле построены из спрессованного сливочного снега. Стены белые, плотные, гладкие — похожие на пломбир. Если лизнуть украдкой (маленькие жители иногда так делают, когда никто не видит), чувствуется сладковатый ванильный вкус. Крыши покрыты ледяной глазурью — блестят и переливаются тысячами искр. Двери из шоколадных плиток: твёрдые, как камень, но пахнут так вкусно, что у каждого дома хочется стоять и нюхать.

Реки в Морозвиле не текут — они стоят на месте. Замёрзшие. Но подо льдом до сих пор движется река — густая, сладкая, сиропная. Прорубишь лунку — наберёшь ведро малинового или лимонного сиропа. А в лунку потом выглядывают любопытные рыбки — ледяные карасики, прозрачные, как стеклянные игрушки.

Жители этих стран никогда не видели соседей. Поэтому

про них сочиняли такое, что самим становилось жутковато. Но каждый народ выдумывал по-своему.

Пирожные — народ суетливый и громкий. Любят, чтобы всё ярко, с подробностями и чтобы дух захватывало.

— Мороженые — ледяные чудовища! — кричали печенки, размахивая эполетами. — Они не ходят — они скользят! Бесшумно так, страшно!

— А глаза у них как ледышки! — подхватывали профитроли. — Смотрит на тебя — и ты уже чувствуешь, как твоя начинка каменеет.

— И они не едят, не спят, не чихают! — добавляли бисквиты. — Стоят себе рядышком и молчат. Молчат и смотрят.

Главный ужас для пирожного — тишина и неподвижность. Поэтому они придумали, что мороженые умеют замораживать звуки. Крикнешь — а в ответ тишина. Позовёшь на помощь — никто не слышит. Встретишь мороженое — глянет молча, и ты уже не пирожное, а ледяная статуя. И эполеты твои так и застыли в воздухе. Красиво, но жутко.

Ещё пирожные боялись, что мороженые украдут у них тепло. Не нападут, не заморозят — просто возьмут и заберут всё тепло из печек, из домов, из самих пирожных. И останутся они холодные, твёрдые, несъедобные. Вот это настоящая трагедия!

Мороженые — народ дисциплинированный и спокойный. Любят, чтобы всё по полочкам, чётко и с перечислением.

— Пирожные делятся на три вида, — говорили мороже-

ные, выстраиваясь в ряд. — Первые — слоёные. Самые опасные: у них много слоёв, и неизвестно, в каком спрятана горячая начинка. Вторые — песочные. Рассыпчатые, но если их разозлить, они осыпаются. И тогда эта крошка прилипает к ногам, рукам — вообще везде. И очень портит внешний вид. Третьи — бисквитные. Мягкие и влажные, от них исходит пар, который разъедает ледяную глазурь.

— Главное оружие пирожных — не пушки и не варенье, — добавляли мороженые. — А хаос. Они не следуют правилам. Бегают, кричат, машут руками. И очень громко кричат.

Самое страшное для мороженого — не замёрзнуть и не разбиться, а растаять. Поэтому они придумали, что пирожные умеют излучать тепло на расстоянии. Стоит пирожному посмотреть на мороженого — и тот уже начинает мягчать. А если пирожное улыбнётся — мороженое покрывается липким потом и теряет форму.

Ещё мороженые боялись, что пирожные их обнимут. Не заморозят, не убьют — просто подойдут и обнимут. От такого тепла мороженое растает за минуту, и даже крикнуть не успеет. Поэтому в Морозвиле разработали специальную инструкцию: «При обнаружении пирожного — немедленно отступить. При попытке объятий — срочно эвакуироваться в морозильную камеру

И все эти страшилки, все эти сплетни, все эти злые выдумки поддерживали и раздували правители двух стран.

В Тортлэнде правил Торт Наполеон — величественный,

слоёный, с хрустящей корочкой и очень громким голосом. Он был уверен, что пирожные — высший народ во всём мире Десертов, и абсолютно не хотел дружить с соседями. А ещё он очень хотел завладеть их секретами. Потому что в глубине своей кремовой души завидовал мороженому. Немножко. Совсем чуть-чуть. Но завидовал.

В Морозвиле правил Лорд Сорбет — высокий, синий от холода, с длинной сосулочной бородой и очень тихим, но пронзительным голосом. Он тоже не хотел дружить с соседями. И он тоже хотел завладеть их секретами.

А ещё каждый из правителей мечтал быть самым главным во всём мире Десертов. И ради этого они были готовы на многое.

Торт Наполеон мечтал о секрете вечной свежести. Вы же знаете, что пирожные черствеют? Это их главная беда. Вчера ты пышный и мягкий, а сегодня — уже сухарь, которым гвозди забивают. Торт Наполеон боялся этого больше всего на свете. Он думал, что если узнать секрет вечной свежести, который мороженые хранят веками, то он и все его подданные никогда не состарятся. Никогда не засохнут. Никогда не превратятся в твёрдые, никому не нужные корки.

Лорд Сорбет мечтал о разнообразии. В Морозвиле всё белое. Снег белый. Дома белые. Кристаллы белые. Сами мороженые — белые. Только изредка добавляют малинового сока в ледяную жизнь — и то на пару дней. Вафельные стаканчики — и те шоколадные только с краю. А у пирожных — марме-

ладные бабочки, облака из сливок, реки сгущёнки, булочки с корицей, чего только нет. У них всего много, всё разное, яркое, вкусное. Сорбет мечтал, чтобы у мороженных тоже появилось разнообразие. Чтобы жизнь перестала быть белой и одинаковой.

Каждый из правителей думал о себе. И каждый был уверен: счастье — оно где-то там, у других. Надо только дотянуться. И каждый строил грандиозные планы, как это сделать. Конечно, они не кричали об этом вслух — не пристало королям обсуждать свои замыслы при посторонних. Но их советники, министры и генералы давно заметили: что-то готовится. А что именно — никто не знал.

И, как это часто бывает, пока взрослые были заняты своими заботами, их дети росли сами по себе. Со временем дети подустали от страшилок. Слишком уж они были нелепые: то мороженные шипят, то пирожные взрываются. Не похоже на правду. И они

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.